

«Гнул угол третьего туза...»

«Моя «Пиковая дама» в большой моде. Игроки понтируют на тройку, семерку и туза, — записал А. Пушкин в своем дневнике весной 1834 года. — При дворе нашли сходство между старой графиней и кн. Натальей Петровной и. кажется, не сердятся...»

Двор был прав в отношении прототипа главной героини одной из лучших новелл мировой литературы. Пушкин сам читал «Пиковую даму» П. В. Нащокину, одному из ближайших своих друзей, у которого всегда останавливался будучи в Москве (Нащокин — знаменитый картежник своего времени). Он рассказывал, что главная завязка не выдумана. Струха графиня — это Наталья Петровна Голицына, мать Дмитрия Владимировича, московского генерал-губернатора... Внук ее, Голицын, рассказывал Пушкину что раз он проигрался и пришел к бабке просить денег. Денег она ему не дала а сказала три карты, назначенные ей в Париже С. Жерменом. «Попробуй», — сказала бабушка. Внучек поставил карты и отыгрался. Дальнейшее развитие повести все вымышлено».

П. В. и В. А. Нащокины. Рассказы о Пушкине, записанные П. И. Бартеневым.

Вряд ли только занимательность сюжета о старой княгине Голицыной и ее внучке толкнула Александра Сергеевича к написанию «Пиковой дамы». Карты были главной страстью самого поэта.

Для доказательства достаточно обратиться ко второй главе «Евгения Онегина».

...Но мне досталась на часть
Одна губительная страсть —
Страсть к банку!.. Ни любовь
Свободы,
Ни Феб, ни дружба, ни пиры
Не отвлекли б в минувши
годы
Меня от карточной игры.
Задумчивый, всю ночь до
света

Бывал готов я в эти лета
Допрашивать судьбы завет:
Налево ль выпадет валет?
Уже раздался звон обеден;
Среди разбросанных колод
Дремал усталый банкомет,
А я, все также бодр и

блуден,
Надежды полн, закрыв глаза,
Гнул угол третьего туза...

Только прошу любителей поэ-
та не бросаться к книжной
полке, чтоб проверить эти не-
известные, уверен, для большин-
ства онегинские строчки.
Бесполезно. Я сам, к огромно-
му удивлению, не нашел их в
хранящемся дома «огоньков-
ском» десятилетнике А. С.
Пушкина. Нет во второй главе!

Уже с опаской беру ветхий
дореволюционный одностомик
собрания сочинений поэта из-
дания Ф. Павленкова, который
и толкнул меня на тему «Пуш-
кин и карты». Глава вторая. Все
верно! После «картежных»
строк

«И дедов верный капитал
коварной двойке не вверял!»
идет дополнение «К XVII стро-
фе». Про страсть к банку.

Кстати, вторую главу «Евге-
ния Онегина» поэт однажды...
проиграл. Возможно, сей факт
остался бы неизвестным для
потомков, если бы не приятель
Пушкина И. Е. Великопольский,
заядлый игрок, баловавшийся
стихами. Это ему однажды на-
правил Александр Сергеевич
послание:

«С тобой мне вновь считаться
довелось,
Певец любви, то резвой, то
унылой!
Играешь ты на лире очень
мило,
Играешь ты довольно плохо
в шtos
Пятьсот рублей, проигранных

тобою,
Наличные свидетели тому
Судьба моя сходна с твоей
судьбою —
Сейчас, мой друг, увидишь,
почему.

Сделайте одолжение, пять-
сот рублей, которые вы мне
должны, возратить не мне, но
Г. П. Назимову, чем очень обя-
жете преданного вам душою
А. Пушкина».

(Псковский дворянин Нази-
мов, владелец села Преобра-
женское — также приятель по-
эта. Александр Сергеевич час-
то ездил к нему играть в кар-
ты. Сын Назимова был его
крестником).

И вот между Пушкиным и
Великопольским произошла од-
нажды дуэль. К счастью, всего
лишь стихотворная.

В 1828 году Великопольский
написал сатиру. Предупреждая
о страшных последствиях игры.
Герой Арист за одну ночь про-

играл все состояние, лишился
чести и рассудка. Морализа-
торство страстного игрока воз-
мутило Александра Сергееви-
ча. Он тут же сочинил «Посла-
ние к Великопольскому».

Великопольский, в свою оче-
редь, также выстрелил сатири-
ческими стихами. Откровенно
давая понять, что и сам-то
Пушкин не всегда был в выиг-
рыше. Есть там и такие строки:

Глава Онегина вторая
Съезжала скромно на тузе.
Впрочем, эти стихи так и не
были помещены в «Северной
пчеле», где были опубликованы
и «Сатира», и ответ Пушкина.
Цензура не пропустила!

В конце марта 1828 года Пуш-
кин писал сопернику из Петер-
бурга в Москву:

«Любезный Иван Ермолаевич.
Булгарин показал мне очень
милые ваши стансы ко мне в
ответ на мою шутку. Он ска-
зал мне, что цензура не пропу-
скает их, как личность, без мо-
его согласия. К сожалению, я
не мог согласиться».

Глава Онегина вторая
Съезжала скромно на тузе,
и ваше примечание, — конечно,
личность и неприличность. И
вся станса недостойна вашего
пера. Прочие очень милы. Мне
кажется, что вы немножко
много недовольны. Правда ли?
По крайней мере отзывается
чем-то горьким ваше последнее
стихотворение. Неужели вы хо-
тите со мною поссориться не
на шутку и заставить меня, ва-
шего миролюбивого друга,
включить неприязненные стро-
фы в 8-ю главу «Онегина»? Я
не проигрывал 2-й главы, а ее
экземплярами заплатил свой
долг, так точно, как вы запла-
тили мне свой родительскими
алмазами и 35-ю томами Энци-

клопедии. Что, если напечатать
мне сие благонамеренное воз-
ражение? Но я надеюсь, что я
не потерял вашего дружества и
что мы при первом свидании
мирно примемся за карты и за
стихи. Простите.

Весь ваш А. П.»

История со второй главой —
не исключение в жизни Пуш-
кина. Он, видно, не считал за-
зорным ставить на карту хоро-
шие стихи. Есть свидетельство,
что, проигравшись полностью А.
Загряжскому, он поставил пя-
тую главу «Онегина». Проиграл
и рукопись (ставка, между прочим,
большая, поскольку ему
тогда платили 25 рублей ассиг-
нациями за строку). Пришлось
ставить пару пистолетов. С ни-
ми поэт отыгрался, вернул и
рукопись, и полторы тысячи ру-
блей сверх того. А вот строки
из письма князю П. Вяземско-
му № 1 декабря 1826 года: «Во
Пскове, вместо того, чтобы
писать 7-ю главу Онегина, я
проиграл в шtos четвертую. Не
забавно!»

Есть множество свидетельств
и в письмах самого поэта, и в
воспоминаниях его друзей, со-
временников, как страстно
Александр Сергеевич играл в
карты. За недостатком места
ограничимся лишь Анной Керн,
той самой, «Я помню чудное
мгновенье!»: «Пушкин очень
любил карты и говорил, что это
его единственная привязан-
ность».

Но в игре он был менее сча-
стлив, чем в любви и поэзии.
Известно, что после гибели
поэта осталось более 100 тысяч
рублей долга. Среди них и кар-
точные. По указанию царя все
это было оплачено из казны.

Евгений ЧЕРНЫХ.

Пустовойт А. С.

04.08.93, 2.